

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-1-45-50

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.12

Дата поступления: 18.11.2023
рецензирования: 19.01.2024
принятия: 15.03.2024

К проблеме определения понятия юридического формализма

А. А. Журавков

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: L2954535@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы доктринального понимания феномена юридического формализма в отечественной юридической науке путем его противопоставления концепции нормоскептицизма, а также пределы регулятивного потенциала правоприменения при формально-правовом подходе в судебной практике. Актуальность данной проблемы обусловлена как наличием существенных пробелов в отечественной юридической науке в части исследования феномена юридического формализма и его дефиниции, так и запросами существующей судебной практики, в которой, как следует из постановлений высших судебных инстанций, нередко встречается злоупотребление именно формой права, в связи с чем имеется ряд указаний на недопустимость формально-догматического подхода при рассмотрении дел. При этом пренебрежение формально установленными законодательными предписаниями также очевидно недопустимо, поскольку чревато крайне негативными последствиями, вплоть до проявления так называемого «судейского произвола» при рассмотрении отдельных дел. Как следствие, создается проблема поиска и соблюдения оптимального баланса между требованием неукоснительного соблюдения формальных нормативных предписаний и реализации регулятивной функции, заложенной законодателем. Постановке данной проблемы посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: юридический формализм; диктатура закона; Структурные изменения общественных отношений; нормоскептицизм; метод Гранд-стиля; регулятивная функция права; деформация правовой ментальности; судейский произвол; Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации.

Цитирование. Журавков А. А. К проблеме определения понятия юридического формализма // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 1. С. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-45-50>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Журавков А. А., 2024

Александр Анатольевич Журавков – аспирант кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт, Сибирский федеральный государственный университет, 660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.11.2023
Revised: 19.01.2024
Accepted: 15.03.2024

On the problem of definition of the legal formalism concept

A. A. Zhuravkov

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation
E-mail: L2954535@yandex.ru

Abstract: The article examines the problems of doctrinal understanding of the phenomenon of legal formalism in Russian legal science by contrasting it with the concept of normoscepticism, as well as limits of regulatory potential of law enforcement with a formal legal approach in judicial practice. The relevance of this problem is due both to the presence of significant gaps in domestic legal science in terms of studying the phenomenon of legal formalism and its definition, and to the requests of existing judicial practice, in which, as follows from the decisions of higher judicial instances, abuse of the

form of law is often found, in connection with which there are a number of indications of the inadmissibility of a formal dogmatic approach when considering cases. At the same time, disregard for formally established legislative prescriptions is also obviously unacceptable, since it is fraught with extremely negative consequences, up to the manifestation of so-called «judicial arbitrariness» when considering individual cases.

Key words: legal formalism; dictatorship of law; Structural changes in public relations; normoscepticism; Grand style method; regulatory function of law; deformation of legal mentality; judicial arbitrariness; Constitutional Court of the Russian Federation; Supreme Court of the Russian Federation.

Citation. Zhuravkov A. A. *K probleme opredeleniya ponyatiya yuridicheskogo formalizma* [On the problem of definition of the legal formalism concept]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 1, pp. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-1-45-50> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Zhuravkov A. A., 2024

Alexander A. Zhuravkov – post-graduate student of the Department of Theory and History of Law and Right, Law School, Siberian Federal University, 79, Svobodny Prospekt, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation.expertise; interests of the parties.

Правовое регулирование общественных отношений неизбежно ставит перед своими субъектами спектр самых разносторонних целей и задач, направленных на приведение указанных отношений к более-менее приемлемой гармонии с точки зрения сохранения политически организованного общества в таком состоянии, при котором не происходит достижения критической массы противоречий между его структурными элементами, приводящей в конечном итоге к расколу данного общества под влиянием внутреннего давления нарастающих конфликтов, то есть к явлению, охарактеризованному Т. Гоббсом как «война всех против всех».

Длительное время в российской правовой доктрине, а точнее, в ее части, представленной главным образом учеными, имеющими опыт работы в государственных структурах (особенно в правоохранительных органах), господствовало мнение, что наилучшим способом достижения указанной цели по поддержанию гармонии и стабильности в обществе является обеспечение всеми участниками общественных отношений неукоснительного следования букве закона, что характерно для позитивистского подхода, наиболее выразительно оформившегося в так называемой концепции диктатуры закона.

Наиболее одиозные исследователи, избыточно, на наш взгляд, преувеличивая регулятивный потенциал, универсальность и достаточность законодательной деятельности как инструмента регулирования общественных отношений, даже отождествляли понятия «демократия» и «диктатура закона».

Однако, как показала история, законодательный диктат зачастую обеспечивается средствами и методами, крайне далекими от демократии.

Тем более что если бы диктатура закона, выраженная в неукоснительном следовании только и исключительно букве закона, была способна дать исчерпывающее правовое регулирование, неизменно эффективно отвечающее на те требования, которые предъявляются логикой, динамикой и содержанием общественных отношений, то очевидно, что соответствующая проблематика не могла бы выкристаллизоваться в рамках юридической науки и потребовать соответствующих исследований.

И тем не менее именно это и произошло в рамках преимущественно англосаксонской правовой доктрины XX века, обращаясь к которой ряд российских исследователей показали, что поставленные ею во-

просы остаются актуальными и для отечественной правовой школы.

Такое положение дел обусловлено, на наш взгляд, тем, что любой закон есть продукт человеческой мысли, которая, в свою очередь, является продуктом социокультурного опыта законодателя и его понимания общественных потребностей на текущий момент, примененных к данным потребностям посредством принятия соответствующей нормы, что неизбежно накладывает отпечаток на форму последней.

Но жизнь не стоит на месте. Структурные изменения общественных отношений носят перманентный характер под влиянием широчайшего спектра факторов. Право, действующее в период мира, может оказаться непригодно с точки зрения стоящих перед ним задач в случае войны или чрезвычайного положения. Технический прогресс способен как сделать атавизмом еще вчера актуальные нормы, так и потребовать введения совершенно новых правовых механизмов, адекватных вновь возникшим общественным реалиям, и т. д.

И в этой связи возникает закономерный вопрос: всегда ли возможно обеспечивать регулятивную функцию права в полной мере, только и исключительно модернизируя его форму путем соответствующего изменения нормативных формулировок?

Не все исследователи готовы дать утвердительный ответ на поставленный вопрос. В частности, М. Ю. Мизулин отмечает следующее: «Как ни раскусжай, а следует признать, что базовая идея права как юридического условия и процедуры достижения справедливости, свободы и порядка не в полной мере вписывается в происходящие изменения. Ситуация баланса порядка, свободы и справедливости – это ситуация скорее политическая, и там, в сфере политики, надо искать ее присутствие и промышлять новые условия взаимности и расхождения этих важнейших социокультурных феноменов» [1, с. 127].

Из приведенной позиции уже следует, что возведение формы закона во главу угла, неукоснительное следование ей как единственно верному и допустимому пути правоприменения разделяется не всеми исследователями.

При этом не только в рамках научной правовой доктрины, но и в правоприменительной практике, в том числе на уровне высших судебных инстанций, признается недостаточность безусловного соблюдения формальных законодательных предписаний для

целей достижения реализации заложенного в нормы права регулятивного смысла.

В частности, при проверке конституционности статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на практику Европейского Суда по правам человека, указал, что «...незаконная ситуация, например проведение демонстрации без предварительного согласования, не обязательно оправдывает карательные меры, применяемые властями за участие в публичном мероприятии; мирная демонстрация в принципе не должна подпадать под угрозу уголовной санкции; осуждение в уголовном порядке за одно лишь участие в публичном мероприятии, которое не было связано с актами насилия, невозможно при отсутствии какой-либо оценки внутригосударственными судами его пропорциональности; меры, применяемые к участникам мирных публичных акций на основании их формальной незаконности, не должны иметь целью отвлечь широкую публику от посещения собраний и демонстраций и тем самым – от открытой политической дискуссии (постановления от 20 марта 2012 года по делу «Пекаслан (Pekaslan) и другие против Турции», от 14 октября 2014 года по делу «Йылмаз Йылдыз (Yilmaz Yildiz) и другие против Турции», от 15 октября 2015 года по делу «Кудревичюс (Kudrevicius) и другие против Литвы», от 13 декабря 2016 года по делу «Каспаров и другие против России» (№ 2) и др.)» [2, с. 25–26].

Таким образом, конституционная юстиция указывает на ошибочность формально-догматического подхода к уяснению нормативного содержания положений статьи 212.1 УК РФ без учета их места в системе действующего правового регулирования, отмечая, что «...любое привлечение к уголовной ответственности – по смыслу статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений части второй статьи 2, статьи 8 и части первой статьи 14 УК Российской Федерации – безусловно предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее **опасностью** (выделено мной. – А. Ж.) для личности, общества или государства деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, которые должны быть присущи ему в момент совершения» [2, с. 27–28].

Конституционному Суду Российской Федерации вторит в своих выводах коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отмечая, что, «оценивая доказательства, суд обязан исследовать по существу все фактические обстоятельства и не вправе ограничиваться установлением формальных условий применения нормы, а выводы суда о фактах, имеющих юридическое значение для дела, не должны быть общими и абстрактными, они должны быть указаны в судебном постановлении убедительным образом со ссылками на нормативные правовые акты и доказательства, отвечающие требованиям относимости и допустимости» [3].

Приведенные примеры позволяют утверждать, что проблема недостаточности формалистского подхода с точки зрения достижения целей нормативно-правового регулирования общественных отношений получи-

ла признание как в рамках научной доктрины, так и в ходе правоприменительной деятельности судов.

Как следствие, поставленный выше вопрос требует своего теоретического разрешения, что неизбежно наталкивает на проблему юридического формализма, решение которой не представляется возможным без дефиниции ее стержневого элемента.

Так что же надлежит понимать под юридическим формализмом?

Подходы к данному пониманию разнятся в отечественной литературе и у ряда зарубежных исследователей, что, впрочем, не мешает выделить и ряд общих черт, проявляющихся при исследовании указанного феномена.

Затрагивая вопрос о генезисе юридического формализма в контексте деформации правовой ментальности, А. Г. Кравченко приходит к выводу, что «...юридический формализм в правоприменении может как являться следствием правового нигилизма, так и отражать правовой идеализм, в котором право выступает самоценностью, а не инструментом обеспечения цивилизационного поведения его субъектов. Между тем применение норм права все чаще вступает в противоречие с нормами-принципами, нормами-декларациями, концептуальными конституционно-правовыми конструкциями, как равно и с общечеловеческим здравым смыслом, общечеловеческими и национальными ценностями, обостряя проблему деформации правового менталитета правоприменителя» [4, с. 8–9].

И если тезис о правовом нигилизме как причине юридического формализма, заявленный данным исследователем, требует дополнительного пояснения, то правовой идеализм в этом отношении вызывает меньше сомнений, поскольку явственно воплощается в упомянутых выше концепциях так «называемой диктатуры закона», которая по сути своей сводит всю совокупность регулятивных задач к приведению спорных правоотношений в соответствие с формальными законодательными предписаниями.

Опираясь на исследования Герберта Харта 1958 года, С. Н. Касаткин указывает, что «формализм, или концептуализм (традиционно ассоциируемый с доктриной позитивизма), трактует право в качестве «закрытой системы» стандартов, содержащей в себе ответы на все юридические вопросы, – ответы, которые судья посредством логических средств выводит из официальных материалов/установлений и применяет к конкретным случаям. Судебное решение здесь представляет собой логическую дедукцию, «автоматическое» выведение предзаданных нормативных следствий» [5, с. 170].

Предложенное понимание формализма импонирует тем, что представляет собой попытку отобразить его сущность через внешнее проявление, выражающееся в способе трактовки и применения права, однако, на наш взгляд, не может считаться наиболее полным, поскольку не учитывает один немаловажный аспект.

Дело в том, что судебное решение даже при формальном подходе не всегда ограничивается логической дедукцией и «автоматическим» выведением предзаданных нормативных следствий. Подчас оно,

опираясь на форму закона, предлагает такие нормативные следствия, которые, внешне не вступая в противоречие с предложенной законодателем формой, в корне искажают заложенный в норму регулятивный смысл. Особенно часто подобное встречается в рамках уголовного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, можно заключить, что негативные последствия формализма в правоприменительной практике могут быть обусловлены не только механистичностью применения правовых норм, но и их толкованием: одновременно и безукоризненным с точки зрения установленной формы, и искаженным с точки зрения заложенного в норме смысла.

Ряд примеров судебной практики, подтверждающих данное предположение, приведен В. М. Шафировым, который указывает, что считает «...неоправданным распространение формального подхода при решении юридических дел. Это ведет к нарушениям прав личности. Каждому юристу известно положение: «Не человек для закона, а закон для человека». Однако оно воспринимается практиками как не имеющая прикладного значения декларация... Сложившийся в общественном, юридическом сознании под влиянием жесткого позитивизма стереотип о том, что само право, обусловленные им правовые явления должны в первую очередь рассматриваться через призму формального подхода, привели к неоправданно широкому его применению в практической юридической деятельности. **Речь идет о негативной стороне формальности или формализме** (выделено мной. – А. Ж.). Формальность в положительном смысле необходима. Корень слова, понятия “формальность” или его основа – это форма права. Форма – это способ выражения и существования содержания права» [6, с. 28].

Таким образом, подход, предложенный В. М. Шафировым, с одной стороны, указывает на правовую форму как необходимый инструмент регулирования общественных отношений, а с другой – не допускает гипертрофии роли правовой формы, своеобразного иррационального «преклонения» перед ней, в том числе в ущерб заложенному в норму регулятивному смыслу.

Очевидно, что невозможно регулировать общественные отношения «вообще» без привязки к конкретному виду данных отношений и формального установления прав и обязанностей их участников.

В частности, применительно к такой сфере отношений, как гражданский процесс, В. В. Ярков указывает: «Так называемые формальности в гражданском процессе имеют большую самоценность, поскольку их соблюдение обеспечивает гарантию беспристрастности и объективности. Человеческий и субъективный факторы присущи правосудию, поэтому гражданская процессуальная форма с ее элементами формализма обеспечивает гарантию беспристрастности, снижает субъективизм и судебское усмотрение» [7].

И в этом смысле видится некорректной концепция нормоскептиков, отрицающих ценность законодательно установленной правовой формы и утверждающих, что только в суде рождается реальное право.

Если бы это было так, то каким образом отграничить такое «право» от судебного произвола?

Ведь принимаемый представительными органами закон в той или иной степени есть продукт их коллективного нормотворчества, основанного на различном понимании регулятивных задач членами данного органа в меру жизненного опыта, специфики образования и культурных архетипов каждого члена данного органа.

То есть закон в той или иной мере есть результат компромисса, достигнутого лицами, образующими состав законодательного органа, что уже не позволяет говорить о произволе некоего отдельного лица. А с кем вынужден достигать компромисс единоличный судья, рассматривающий отдельное дело, особенно когда процессуальным законодательством не предусмотрено участие присяжных? Что в таком случае есть гарантия принятия справедливого и обоснованного решения, помимо внутреннего убеждения судьи? И чем принимаемое в подобном порядке решение отличается от понятия «судебный произвол»? Попытки нормоскептиков дать ответ на поставленные вопросы в контексте правовой определенности трудно признать убедительными, или, по крайней мере, исчерпывающими.

Понимая под правовой определенностью предсказуемость судебного решения [8, с. 137], Д. Е. Тонков указывает, что, «не признавая традиционную доктрину (формализм), нормоскептики предлагают использовать метод Гранд-стиля для выявления правовой определенности, который бы учитывал влияние различных факторов на судью и усовершенствовал бы процесс вынесения решения... Нормоскептики заинтересованы в поиске социальных и психологических факторов, воздействующих на судью, и подчеркивают зависимость действительного содержания правовой нормы от ценностной составляющей правовой традиции» [8, с. 137].

Подобный подход, безусловно, имеет право на существование хотя бы в контексте невозможности достижения ситуации баланса порядка, свободы и справедливости без учета политической составляющей жизни общества, на что имплицитно указывает М. Ю. Мизулин в рамках приведенного выше высказывания. Однако предложенный нормоскептиками метод Гранд-стиля в полной мере допустим в идеальной ситуации, когда среди различных факторов, влияющих на судью, отсутствуют такие, как ангажированность, обусловленная не общим социокультурным кодом, а частным внепроцессуальным интересом судьи, связанным с коррупционной составляющей, предопределенным наличием неявных близких отношений или же иными обстоятельствами, предопределяющими лицепритие со стороны суда.

В настоящее время в поле зрения юридической науки уже попали проблемы, обусловленные деформацией правовой ментальности в правоприменительной практике. Как указывает А. Г. Кравченко, «...в многочисленных трудах российских исследователей фиксируется такой феномен правовой ментальности, как ее деформация: искажение идеологических смыслов, ценностных иерархий, эмоциональной сферы субъективного отношения к праву» [4, с. 8–9].

Еще более предметно, категорично и при этом непосредственно в отношении представителей судебной власти как в России, так и за рубежом высказывается В. И. Лафицкий, который отмечает: «Судьи – такие же люди, как все, и подвержены тем же порокам. Судейская мантия, иные атрибуты власти не могут изменить либо обуздать людские пороки. Напротив, они часто крепнут, находя себе поддержку в той власти, которой наделены судьи» [9, с. 98].

Соответственно, возможности усовершенствования процесса вынесения судебных решений с опорой главным образом на социальные и психологические факторы, воздействующие на судью, а также на ценностную составляющую правовой традиции, декларируемые нормоскептиками, представляются преувеличенными. Как следствие, приходится не только согласиться с приведенным выше мнением В. В. Яркова о самоценности формальностей в гражданском процессе как фактора, обеспечивающего гарантию беспристрастности и объективности суда, но и признать, что подобные формальности выполняют аналогичную функцию практически при любой форме правоприменения.

Налицо концептуальное противоречие между требованием, с одной стороны, о неукоснительном следовании формальным предписаниям, в соответствии с которым суд, по сути, низводится до уровня компьютера, выводящего формально-логическим путем решение из предзаданных нормативных установок безотносительно специфики рассматриваемой ситуации и, таким образом, напрочь «вымывающего» из применения права упомянутое В. М. Шафировым «человеческое измерение», и, с другой стороны, признанием за судом роли единственного творца реального права путем неограниченно широкого истолкования буквы закона на основе внутренних моральных предпочтений, которые, в свою очередь, далеко не всегда безупречны, а потому не способны служить достаточным препятствием на пути судейского произвола.

При этом ни один из полюсов обозначенного противоречия не может быть принят в качестве приемлемого по принципу выбора меньшего из зол, поскольку не позволяет достигнуть максимально полноценной реализации регулятивной функции, что объективно необходимо для сохранения баланса общественных отношений и избежания предельно негативного сценария «войны всех против всех». Соответственно, необходим поиск баланса между обозначенными полюсами, для чего следует определиться в их сущностном понимании.

Сообразно ключевым положениям нормоскептицизма, обозначенным Д. Е. Тонковым, данный феномен представляется доктринальной и правоприме-

нительной концепцией, отрицающей регулятивную значимость нормативных предписаний и предлагающей в целях достижения правовой определенности и предсказуемости судебного решения опираться главным образом на т. н. «метод Гранд-стиля», основывающийся на выявлении социальных и психологических факторов, воздействующих на судью, а также на ценностную составляющую правовой традиции. Таким образом, нормоскептики отдают безусловный приоритет аксиологической составляющей пред нормативной.

В свою очередь, юридический формализм – это не просто слепое следование форме закона в правоприменительной деятельности. Подобное его понимание было бы избыточно примитивным, ограниченным и не отражающим сущность того негативного влияния, которое он оказывает на регулирование общественных отношений, поскольку исключало бы из поля зрения такой фактор, как возможность при формальном соблюдении законодательного предписания придать ему такое истолкование, при котором искажается заложенный в него регулятивный смысл.

На наш взгляд, юридический формализм подразумевает именно **злоупотребление формой**, которое не ограничивается схоластическим принесением регулятивного смысла в жертву формальному предписанию, но может также выражаться в намеренном использовании правовой нормы для принятия неправоудного судебного акта (а равно – акта внесудебного правоприменения). Однако такое злоупотребление формой до некоторой степени защищено от ревизии со стороны вышестоящих инстанций в силу отсутствия в нем внешнего противоречия с установленными формальными предписаниями.

Исходя из изложенного, представляется корректным определить **юридический формализм** как получившую частичную поддержку в рамках юридической доктрины разновидность правоприменительной деятельности, спецификой которой выступает безусловное некритическое восприятие нормативных предписаний с позиции их буквального толкования как единственно возможного и в соответствии с которой задача применения права сводится к исключению формально-логических противоречий между нормативными установлениями и оценкой данной конкретной ситуации в рамках собственно правоприменительного акта во избежание его дальнейшей ревизии со стороны вышестоящих инстанций безотносительно заложенного в соответствующую норму регулятивного смысла либо намеренно – вопреки ему в целях реализации конъюнктурных задач.

Библиографический список

1. Мизулин М. Ю. Плюрализм как онтологическое начало политики // Политический плюрализм в современной России. Москва: Издательский дом «Человек и карьера», 2001. 194 с.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702140020?ysclid=lu9shnb6dk755124216>.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 июля 2023 г. по делу № 78-КГ23-16-К3. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10072023-n-78-kg23-16-k3/?ysclid=lnwrngrdq407404057>.

4. Кравченко А. Г. Деформации правовой ментальности в административной правоприменительной политике государства // Административное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2019.1.28549>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbixtf>.
5. Касаткин С. Н. «Злоупотребление логикой» в судебной аргументации: критика формализма и реализма в очерке Г. Л. А. Харта «Позитивизм и разделение права и нравов» (1958) // Правоведение. 2016. № 1. С. 166–181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-logikoy-v-sudebnoy-argumentatsii-kritika-formalizma-i-realizma-v-ocherke-g-l-a-harta-pozitivizm-i-razdelenie-prava/viewer>.
6. Шафиров В. М. Человеческое измерение и применение права // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 28–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36376282>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ymvgod>.
7. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. § 2 гл. 1. / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова [и др.]; под ред. В. В. Яркова. Москва: Статут, 2021. 460 с.
8. Тонков Д. Е. Американский правовой реализм: правовая определенность с позиции нормоскептиков // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 137–153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-pravovoy-realizm-pravovaya-opredelennost-s-pozitsii-normoskeptikov/viewer>.
9. Лафицкий В. И. Принцип независимости судебной власти: общие нормы реализации // Журнал Российского права. 2008. № 4 (136). С. 95–100. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16359051>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntzpur>.
10. Сапожников А. Россия опустилась на 137-е место в рейтинге восприятия коррупции Transparency International. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5797806?ysclid=luawbm2xfz248184727>.

References

1. Mizulin M. Yu. *Plyuralizm kak ontologicheskoe nachalo politiki* [Pluralism as an ontological beginning of politics]. In: *Politicheskii plyuralizm v sovremennoi Rossii* [Political pluralism in modern Russia]. Moscow: Izdatel'skii dom «Chelovek i kar'era», 2001, 194 p. [in Russian].
2. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10.02.2017 № 2-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii stat'i 212.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina I.I. Dadina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 2-P dated 10.02.2017 «With regard to case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin»]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201702140020?ysclid=lu9shnb6dk755124216> [in Russian].
3. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 10 iyulya 2023 g. po delu № 78-KG23-16-KZ* [Resolution of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 10, 2023 with regard to case № 78-KG23-16-KZ]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10072023-n-78-kg23-16-k3/?ysclid=lnwrngrdhq407404057> [in Russian].
4. Kravchenko A. G. *Deformatsii pravovoi mental'nosti v administrativnoi pravoprimenitel'noi politike gosudarstva* [Deformations of legal mentality in the administrative law enforcement policy of state]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2019, no. 1, pp. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2019.1.28549>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbixtf> [in Russian].
5. Kasatkin S. N. *«Zloupotreblenie logikoi» v sudebnoi argumentatsii: kritika formalizma i realizma v ocherke G. L. A. Kharta «Pozitivizm i razdelenie prava i нравov» (1958)* [«Abuse of logic» in judicial argumentation: a critical review of formalism and realism in H. L. A. Hart's essay Positivism and Separation of Law and Morals (1958)]. *Pravovedenie*, 2016, no. 1, pp. 166–181. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-logikoy-v-sudebnoy-argumentatsii-kritika-formalizma-i-realizma-v-ocherke-g-l-a-harta-pozitivizm-i-razdelenie-prava/viewer> [in Russian].
6. Shafirov V. M. *Chelovecheskoe izmerenie i primeneniye prava* [Human dimension and application of law]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2018, no. 11, pp. 28–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36376282>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ymvgod> [in Russian].
7. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo i administrativnogo sudoproizvodstva. § 2 gl. 1. D. B. Abushenko, K. L. Branovitskii, S. K. Zagainova i dr.; pod red. V. V. Yarkova* [Abushenko D. B., Branovitsky K. L., Zagainova S. K. et al. Actual problems of civil and administrative proceedings. § 2 Chapter 1.; Yarkov V.V. (Ed.)]. Moscow: Statut, 2021, 460 p. [in Russian].
8. Tonkov D. E. *Amerikanskiy pravovoy realizm: pravovaya opredelennost' s pozitsii normoskeptikov* [American legal realism: legal certainty from the standpoint of rule-sceptics]. *Pravovedenie*, 2015, no. 4, pp. 137–153. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-pravovoy-realizm-pravovaya-opredelennost-s-pozitsii-normoskeptikov/viewer> [in Russian].
9. Lafitsky V. I. *Printsip nezavisimosti sudebnoi vlasti: obshchie normy realizatsii* [The principle of judicial independence: general norms of implementation]. *Zhurnal Rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 4 (136), pp. 95–100. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16359051>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntzpur> [in Russian].
10. Sapozhnikov A. *Rossiya opustilas' na 137-e mesto v reitinge vospriyatiya korrupsitsii Transparency International* [Russia has dropped to 137th place in the Transparency International Corruption perception rating]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5797806?ysclid=luawbm2xfz248184727> [in Russian].